

Дагне Бержайте
История — судьба — профессия
(из истории литовской русистики)

В том, что в области гуманитарных, филологических исследований русистика, как и ее преподавание в вузах, всегда была более остальных подвержена историческим, идеологическим и политическим влияниям, сомневаться не стоит. Как и в том, что за последние двадцать — тридцать лет в этой области произошли большие изменения. И причины тому очевидны. Писать о них — это еще и еще раз излагать историю образования и распада Советского Союза. Само собой разумеющимся является также и то, что при общих тенденциях очевидного спада интереса к русистике, особенно в самое последнее время, многие страны в лице отдельных кафедр ее университетов или других высших учебных заведений сохранили и все еще стараются сохранить русистику как самостоятельную область научных исследований.

Именно с задачей сначала сохранить, а только потом развивать русистику столкнулись прежде всего страны бывшего советского пространства. И здесь уже каждая из них пытается сделать это только в одной ей присущей и поэтому в уникальной форме¹. А последняя, в свою очередь, зависит в основном уже от двух ведущих факторов: внешнего — политических настроений, доминирующих в той или иной стране, и второго, внутреннего, — отдельных ярких личностей, сыгравших или

© Дагне Бержайте. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

¹ Общая история литовской русистики уже была представлена в статье Евгения Костина и Павла Ивинского «Кафедре русской филологии Вильнюсского университета – 200 лет (из истории изучения и преподавания русского языка и литературы в Вильнюсском университете)», *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, 2003, 45 (2), с. 121-128.

до сих пор играющих значимую роль в области исследований русского языка, литературы и культуры.

В этой статье речь пойдет именно о втором, о главном, личностном факторе. Но рассказ о выдающихся русистах современности оставим потомкам. Перефразируя Сергея Есенина, скажем, что все, не только большое, видится на расстоянии. История, в том числе и история науки, — лучший ключ к пониманию настоящего. Сейчас лучше вспомнить про ушедших. Тем более, как в своей автобиографической книге написала героиня данной статьи Елена Петровна Червинскене (Elena Červinskienė, 1920—2003), «история складывается из судеб отдельных личностей. Каждая судьба единственная, неповторимая»². Вспомнить тех, во многом благодаря которым современная литовская русистика продолжает углубляться в литературное наследие русской классики, в современный мир русской литературы, призывает еще и долг ученика перед Учителем. «Подарок, который не отблагодарили [а именно этими словами профессора Червинскене автор статьи хотела бы охарактеризовать то, что получила за годы учебы в Вильнюсском университете на тогдашней кафедре Русской литературы от своего научного руководителя и тогдашней заведующей кафедрой³], ощущаешь как долг» (116).

Поэтому сейчас хотелось бы рассказать об одной из самых ярких фигур в области литовской литературоведческой русистики — профессоре Червинскене, авторе целого ряда исследований, посвященных русской классической литературе, среди которых книги о Федоре Достоевском, Льве Толстом, Антоне Чехове, статьи и выступления о творчестве Михаила Салты-

² Книга воспоминаний Червинскене под русским названием *Сила слабых* была переведена на русский язык и издана в Москве в издательстве «Диалог-МГУ» в 1999 году. Но из-за отсутствия возможности цитировать русский вариант воспоминаний здесь и далее мы предлагаем собственный вариант перевода с оригинала. См.: E. Červinskienė. *Silpnųjų galia*, Vilnius: Vaga, 1995, с. 7. В дальнейшем страницы из этой книги указываются в самом тексте в скобках.

³ Профессор Червинскене руководила кафедрой Русской литературы Вильнюсского университета с 1984 по 1989 г.

кова-Щедрина, Николая Некрасова, Ивана Тургенева, Афанасия Фета⁴.

Свои исследования, как и свои лекции Червинскене строила на основе ею же разработанного метода, названного «сигнальными знаками автора». Этот метод профессор вывела, как она пишет, опираясь на следующие факторы: 1) «повторяемость деталей, образов, мотивов во всех произведениях писателя»; 2) «особая их смысловая значимость, подтверждаемая контекстом жизни и творчества писателя»; 3) «созвучие с авторской личностью, знакомству с которой способствуют его публицистические работы, дневники, письма, записные книжки, воспоминания современников о нем»⁵. А прийти к созданию собственной системы анализа художественного текста Червинскене подтолкнуло высказывание ее любимого автора Льва Толстого⁶ о «единстве самобытного нравственного отношения автора к предмету»⁷, а также глубокое убеждение в том, что «в художественном произведении главное — душа автора»⁸.

«Ну-ка, что ты за человек? — в своей книге о Толстом цитирует слова писателя Червинскене. — И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что ты можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?»⁹. Во всех

⁴ В разные годы Червинскене были опубликованы следующие монографии: *Dostojevskis* (Vilnius: Vaga, 1971, 316 с.), *Единство художественного мира. А. П. Чехов* (Vilnius: Mokslas, 1976, 182 с.), *Levo Tolstojaus meno pasaulyje (В художественном мире Льва Толстого)*, Vilnius: Vaga, 1978, 200 с.), *По закону Льва Толстого* (Vilnius: Vaga, 1992, 222 с.). Профессор также на литовском языке составила хрестоматию по русской литературе *Apie literatūros esmę: XVIII – XIX a. rusų estetinė ir kritinė mintis* ([О сути литературы: русская критико-эстетическая мысль XVIII – XIX в.,] Vilnius: Vaga, 1988, 514 с.).

⁵ Е. Червинскене. *По закону Льва Толстого*, Vilnius: Vaga, 1992, с. 33.

⁶ Творчеству Льва Толстого были посвящены обе (кандидатская и докторская) диссертации Червинскене, защищенные в МГУ: «Драматургия Л. Н. Толстого» (1957 г., научный руководитель проф. Н. К. Гудзий) и «Внутреннее единство и системность творчества писателя. Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов» (1980 г.).

⁷ Цит. по: Е. Червинскене. *По закону Льва Толстого*, с. 28.

⁸ Там же, с. 31.

⁹ Там же, с. 29.

произведениях русских классиков Червинскене не переставала искать «человеческого», в литературных героях — «человеческой [выделено Червинскене] сущности»¹⁰. В ее прочтении, например, «признаком подлинности искусства Достоевский считал проявление человеческого [выделено Червинскене] лица автора»¹¹; а Чехов, в понимании Червинскене, «„высшим талантом“ считал человеческий талант, главными признаками этого таланта <...> чуткость — способность живо реагировать на зло и добро, способность чувствовать чужую боль, как свою»¹².

Из-за повторяющегося акцента на «человеческом» ее книги рецензенты иногда называли чувственными, слишком лирическими, сентиментальными¹³. И были по-своему правы. Но лучше всего эту черту исследовательской манеры Червинскене объяснил академик Георгий Фридлендер¹⁴, в одном частном письме написавший ей: «В наше время — увы! — все так стремятся к мнимой «научности», что совершенно забыли о том, что писать об искусстве — это значит прежде всего уметь сопереживать, чувствовать его и уметь внушить это же чувство и сопереживание другим. Вы же относитесь к немногим литературоведам, которые сохранили эту способность»¹⁵.

Более подробно о методе исследований профессора Червинскене уже писалось ее коллегами¹⁶. Нам бы хотелось пого-

¹⁰ Е. Червинскене. *Единство художественного мира*. А. П. Чехов, Vilnius: Mokslas, 1976, с. 47.

¹¹ Там же, с. 21.

¹² Там же, с. 79.

¹³ См. ст.: Aleksandras Mažrimas. „Elena Červinskienė. Dostojevskis“ // *Literatura ir menas*, № 3025, 26.11.2004, б. паг.: http://www.culture.lt/lmenas/?leid_id=3025&kas=straipsnis&st_id=5776

¹⁴ Статья Червинскене «Свобода личности в мире идей Достоевского» была опубликована в четвертом томе сборника *Достоевский. Материалы и исследования* (1980), редактором которого как раз был Фридлендер.

¹⁵ Цит. по: Валентина Брио, Маргарита Варлашина, Бируте Масионене, Павел Ивинский. «Профессор Елена Петровна Червинскене», *Literatūra. Rusistica Vilnensis*, 2003, 45 (2), с. 134-138; с. 134.

¹⁶ См. ст.: Брио, Варлашина, Масионене, Ивинский, «Профессор Червинскене».

ворить о другом, как раз о той самой «душе человека», о «доминанте личности»¹⁷ самой исследовательницы, а также о том, как и какие жизненные обстоятельства, сформировавшие этот определенный «склад души», привели к выбору профессии литературоведа, специалиста по русской классической литературе.

Выбор профессии, как и вся история жизни профессора Червинскене, прекрасно иллюстрирует знаменитую мысль Александра Герцена про то, как история в прямом смысле меняет и «отражается в человеке, случайно попавшемся на ее дороге»¹⁸. Если не роковые исторические обстоятельства, Червинскене, в девичестве Тамошайтите, скорее всего, стала бы юристом, так как в последние годы независимой довоенной Литвы (1938—1940) училась в Каунасском университете на юридическом отделении и одновременно работала в суде. После замужества уехала к мужу, тоже юристу, в маленький, находящийся на границе с Германией город Кибартай, жители которого по вечерам ходили через речку, как она пишет в своей книге воспоминаний, «гулять в Германию»¹⁹. Этот городок впоследствии она назовет своим трамплином в Сибирь (65). В 1940 году, устроившись на работу в банке, Червинскене (фамилия по первому мужу — Гашкене) научилась еще и бухгалтерскому делу, что потом сыграет важную роль в ее судьбе, так как поможет выжить в тяжелых условиях ссылки в Якутии.

Ей было всего двадцать лет, когда в июне 1941 года ночью арестовали ее мужа, а через несколько дней, кажется, 17 июня, взяли ее саму. Червинскене оказалась среди тех 17 500—18 000 жителей Литвы²⁰, которые после аннексии Литвы Советским

¹⁷ Е. Червинскене. *Единство художественного мира*. А. П. Чехов, с. 33.

¹⁸ Александр Герцен. *Былое и думы*, М.: Худ. лит., 1969, с. 544.

¹⁹ Через ту же речку Лиепона в июне 1940 года Литву покинул и тогдашний литовский президент Антанас Сметона. Обстоятельства его ухода стали одной из причин ссылки Червинскене, о чем она упоминает в своей книге.

²⁰ „Lietuvos gyventojų 1941 m. birželio 14-18 d. trėmimas“ («Депортация населения Литвы 14-18 июня 1941 г.». Из материалов литовских архивов), <http://www.archyvai.lt/exhibitions/tremimas/pratarme.htm>; Александр Гурьянов, «Масштабы депортации населения вглубь СССР в мае – июне 1941 г.»:

Союзом, буквально накануне войны с нацистской Германией были депортированы в Сибирь или в другие места ссылки. Так в одном летнем пальто, в синем платье из шелка и на каблуках, что ей по-женски особенно врезалось в память, она оказалась в одном из восьми эшелонов, отправленных на Алтайский край.

Все эти и последующие события, холод, голод, адский труд, рождение и смерть единственной дочери, новая ссылка в Якутию, другие всевозможные физические и духовные страдания легли в основу книги ее воспоминаний *Сила слабых*. Написать ее стало возможным только через пятьдесят лет. И написана эта книга была в какой-то по-настоящему чеховской манере: чем страшнее описываемое, тем спокойнее, нейтральнее тон повествования. Но самое поразительное, что в этих воспоминаниях совершенно нет места ни ожесточению, ни жалобам, ни обидам или обвинениям. Наоборот. Страдания и лишения, этот «спуск в ад» позволили ее автору, совсем как по Достоевскому, разглядеть красоту жизни в целом. В книге про абсолютное человеческое горе поражают подробные воспоминания о красоте природы: о чистоте снега, прозрачности рек, красочности и богатстве чужой, отнюдь не гостеприимной земли. В этом искреннем, личную боль подавляющем восторге перед величием природы ощущаешь уже близость к толстовскому миропониманию: «Кому, — пишет Червинскене, — проезжая через скованные льдом северные реки, придется <...> любоваться царством королевства Мороза, тот поймет, что пришлось мне испытать по дороге в Олёкму²¹. Я почувствовала бесконечность Вселенной. <...> Исчезло даже ощущение ссылки» (185).

При чтении подобных строк вспоминается знаменитый монолог князя Мышкина: «...Неужели на самом деле можно быть несчастным? О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно

http://www.memo.ru/history/polacy/g_2.htm (первая публ. в: *Репрессии против поляков и польских граждан: исторические сборники «Мемориала»*. Вып. 1. М.: Звенья, 1997, с. 137-175).

²¹ Юго-западный район Якутии.

проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его! О, я только не умею высказать... а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на Божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»²².

И теперь уже не важно: гимн красоте жизни в ее конце написанной книге Червинскене — это результат влияния русской литературы («Что я была бы такое, если бы не Толстой?»²³), или русскую литературу она выбрала из-за того, что миропонимание Толстого или Достоевского лучше всего соответствовало ее собственному. В любом случае произошло так называемое встречное движение. Та мечта о самореализации на поприще искусства и науки, то представление о высоком предназначении, что мерещилось ей с детства, как подчеркивается в книге *Сила слабых*, воплотилось в выборе профессии русиста.

Но это произойдет еще не скоро. Предстоит вытерпеть ссылку, трудом заслужить уважение чужих людей, нелегально вернуться домой (1948 г.), испытать недоверие и осторожность *своих*, даже обвинение в предательстве. Но везде, как подчеркивается в воспоминаниях, помогали добрые люди. О них или, точнее, ради них Червинскене и написала свою книгу. Многочисленные истории ее героев, собранные, словно по «мозаичному» принципу *Былого и дум* (автора которых на лекциях Червинскене называла самым *умным* русским писателем), раскрывают не только факты из жизни этих давно ушедших и, возможно, давно забытых людей. Своими воспоминаниями она многих, таких, как, например, видный деятель литовского коммунистического движения Игнас Гашка, просто реабилитировала. Одно светлое воспоминание, один бла-

²² Федор Достоевский. *Идиот* // *Собр. соч. в 15-ти т.*, т. 6, Л.: Наука, 1989, с. 553-554.

²³ Цит. по ст.: Брио, Варлашина, Масионене, Ивинский, «Профессор Червинскене», с. 137.

городный поступок, один спасенный человек — и все остальное уже не имеет значения (как тут не вспомнить про силу человеческих воспоминаний о благородных поступках, о «фунте орехов» в романе Достоевского *Братья Карамазовы*?). А спасающих, помогавших людям было много. «В этой атмосфере человеческого бесправия, — писала Червинскене, — сердцем ощущали силу неписаного вечного закона человечности» (76).

Реабилитировала в своей книге она и того русского военного (так Червинскене назвала, очевидно, офицера НКВД), который, пытаясь спасти одинокую беременную женщину, хотел вывести ее из эшелона с депортируемыми. На железнодорожной станции он вызвал ее и приказал принести воды. Но воды тогда она так и не нашла. Вернулась в вагон с пустым ведром. Тайные жесты офицера, сигнализировавшие, чтобы не возвращалась, не помогли. Ее дисциплинированность и воспитание были сильнее. Русский офицер только взялся за голову...

Про тот драматический эпизод, произошедший в начале лета 1941 года, профессор, когда это стало возможным, рассказывала и своим студентам. Он иллюстрировал жизнью сформированное ее отношение к людям: «миром управляет не властью узаконенная ложь, а никем неписанный вечный человеческий закон» (128). В этих красной нитью через книгу воспоминаний проходящих высказываниях нельзя не услышать созвучное словам Достоевского, написанным в письме к брату накануне ссылки: «... я не уныл и не пал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть *человеком* между людьми и оставаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я сознал ее. Эта идея вошла в плоть и в кровь мою»²⁴.

К проблеме национального Червинскене тоже подходила с точки зрения общечеловеческого. В этом не было бы ничего удивительного, если не конкретные обстоятельства ее жизни. В *таких* обстоятельствах «остаться *человеком* между людей

²⁴ Федор Достоевский. *Письма // Собр. соч. в 15-ти т.*, т. 15, СПб.: Наука, 1996, с. 82.

ми», причем человеком, уважающим национальность и мало известный тогда язык *чужих*, удавалось отнюдь не каждому. «Людей разных национальностей, — писала она, — <...> объединяло общечеловеческое начало, и человеческая сущность в нашем поведении проявлялась даже отчетливее, чем в обычных условиях»; «решающая борьба между правдой и насилием не столкнула, а объединила людей разных национальностей и взглядов» (34).

В ссылке Червинскене встретила с женщиной, любившей повторять, что все нехорошее, нелепое выглядит не по-русски. Непривычное и удивлявшее тогда *отождествление хорошего, доброго с русским* через какое-то время нашло следующее объяснение: «человек хорош, не потому что он русский, а настоящий русский — это тот, который хороший. И это не шовинистическая точка зрения, а оценка каждого народа с точки зрения человеческого» (186-187).

Последняя мысль Червинскене объясняет многое, в том числе и выбор ее профессии. В Литве любой русист, по национальности не являющийся русским, раньше или позже сталкивается если не с необходимостью оправдываться, то хотя бы объяснять свой выбор. Такова действительность. Червинскене свой профессиональный выбор объяснила воспоминаниями о депортации и ссылке и адресовала свою книгу прежде всего своим соотечественникам. Все имеющиеся утверждения о том, что в вильнюсский университет на специальность «Русский язык и литература» ее приняли только потому, что там не хватало студентов²⁵, или потому, что в советское время побывавших в ссылке принимали в университет только на русскую

²⁵ См.: Брио, Варлашина, Масионене, Ивинский, «Профессор Червинскене», с. 136. Интересно и, возможно, закономерно, что в книге о самой Бируте Масёнене-Балтрушайтите (1940 – 1996), литовской писательнице, профессоре кафедры Русской литературы Вильнюсского университета, авторе одного из первых научных исследований, посвященных литовско-русским литературным связям (*Literatūrinis ryšis pėdsakais* [По следам литературных связей], Vilnius: Vaga, 1982, 248 p.), написано, что в 1960 году русскую филологию она выбрала только по причине невозможности поступить на родную, литовскую филологию. См.: Viktorija Daujotytė. *Eiti savo keliu* (Идти своей дорогой), Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2011, с. 18.

филологию, вряд ли до конца верны. Хотя кто теперь точно скажет, как там было на самом деле. Как пишет Червинскене, «одними фактами невозможно подтвердить истину, <...> да и человек верит только тому, чему он хочет верить, поэтому его выводы субъективны. Как утверждал Достоевский, факты отражают только часть истины. При тенденциозном их отборе и подаче доказать можно что угодно» (34). Верно. Как и то, как иногда кое-кому представляется, что изучение русской культуры обязательно связано с чем-то советским и политическим²⁶.

Опыт и пример профессора Червинскене показывает другое. Как и пример профессора Римвидаса Шилбайориса (1926—2005), после войны эмигрировавшего в США и там, наряду с литовской литературой, изучавшего и преподававшего русскую²⁷. Или пример профессора Томаса Венцловы, литовского поэта, литературоведа, диссидента, в Йельском университете преподававшего русскую литературу²⁸. Все они

²⁶ До сих пор в Литве для многих слово «русский» ассоциируется с «советским». Это подтвердило только в последний год на кафедре Русской филологии Вильнюсского университета профессором Аллой Лихачевой и ее ученицей, магистранткой Юлией Гринько проведенное психолингвистическое исследование. Результаты эксперимента, заключавшегося в опросе студентов об ассоциациях, связанных с восприятием русского языка, зафиксированы в магистерской работе Гринько «Русский язык в восприятии филологического факультета: русисты vs. нерусисты» (2015). По магистерскому исследованию видно, что студенты, не понимающие по-русски, само слово «русский» в основном связывают с политической ситуацией (с. 40); а у студентов более старших курсов русский язык ассоциируется, в первую очередь, с именем Достоевского, но сразу после ассоциаций с русской литературой, второй по частотности следует упоминание «Советский Союз», «советский», «Путин» (с. 56). О непрестижности русского языка в Литве упоминают и авторы научного исследования про языковую ситуацию страны. (Meilūtė Ramonienė. *Miestai ir kalbos. Kolektyvinė monografija*. [Города и языки. Коллективная монография]), Vilnius: Vilniaus Universiteto leidykla, t. 1-2, 2010–2013).

²⁷ Шилбайорис является автором следующих книг по русской литературе: *Russian Versification: The Teories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir*, New York: Columbia University Press, 1968, 213 p.; *Tolstoy's Aesthetics and His Art*, Ohio: Slavica Publishers, 1990, 319 p.; *"War and Peace": Tolstoy's Mirror of the World*, New York: Twayne Publishers Inc., 1995, 176 p.

²⁸ Среди самых известных книг Венцловы, посвященных русской литературе, – его исследование *Собеседники на пиру. Статьи о русской литера-*

в основном стали специалистами по досоветскому периоду русской литературы. Возможно, это симптоматично. И не только среди литовских русистов.

В случае подхода Червинскене к русской литературе следовало бы подчеркнуть общую этическую направленность ее исследований. Личный травматический опыт исследователя, кажется, сыграл в этом решающую роль. Литература для нее стала не только средством познания жизни, сколько способом разговора о ней и передачи личного опыта другим. «Любовь к родной земле, языку, уважение к человеческой личности, покой и мир, согласие всех народов и верований, — подчеркивала Червинскене, — и есть те главные и вечные истины, которые провозглашают великие русские писатели, чьи портреты я и создаю» (253-254). В изучении, в ознакомлении других с русской литературой она не исключала и функции улучшения мира. Громко, возможно, кто-то скажет, что не очень академично. Но зато абсолютно в духе традиций русской классической литературы. С какой целью писали ее любимые авторы? Только с эстетической?

Разный, неровный, не лишенный испытаний и парадоксов творческий и жизненный опыт исследователей русской литературы и составляет неисчерпаемо богатый мир современной русистики. Этот человеческий фактор сегодня, пожалуй, обнадеживает больше всего. А сама литература, русская или любая другая, самодостаточна. С ней самой ничего не случится²⁹.

туре, Vilnius: Baltos lankos, 1997. 256 с.

²⁹ Об этом несколько лет назад в беседе с корреспондентами *Полит. ру* говорил литературовед Н. Александров. См.: Николай Александров. «Через 2-3 года в вузах начнут изучать школьную программу» // Полит.ру, б. пар.: <http://polit.ru/article/2013/02/14/akeksandrov>